

**поэзия
открытия**

КАТЯ РУБАН

СОХРАНИ

**МОСКВА
2020**

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р82

Иллюстрация на обложке, знаки серии и подсерии
Елены Девятковой

Фотография на обложке *Елены Агишевой*

Оформление серии *Анастасии Ивановой*

Рубан, Катя.

Р82 Сохрани / Катя Рубан. — Москва : Эксмо, 2020. — 128 с.

ISBN 978-5-04-106174-6

«Книга стихотворений «Сохрани» — это разговор с теми, кто рядом со мной и кого больше нет. В суете повседневной жизни важные слова мы откладываем на потом, думая, что когда-то для них настанет время и место. Но этого чаще всего не происходит. Люди идут в нас, живут в нас, проходят сквозь, проходят мимо. Жизнь течет, мы отражаемся в ней кем-то не тем, пытаемся разгадать самих себя и храним молчание.

«Сохрани» — книга экспериментов, разговор начистоту, мое настоящее лицо, которое было стыдно и страшно показать. Это крик в темноту, за которой, я верю, настанет свет.

Он уже здесь».

Сохрани меня страстной и слишком очеловеченной.

По живому — живым. Позабудь про жестокий век.

Если будет любовь, то пускай она будет вечная.

Катя Рубан

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-106174-6

© Ермолаева Е., 2020

© Девяткова Е., иллюстрация, 2020

© Агишева Е., фотография, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

«ТАК ПОЛЫНЬ ПУСТЫРИ ШТУРМУЕТ...»

Я рад, что мне дана возможность представить читателям творчество замечательного российского поэта Кати Рубан.

Следует оговориться, что многие ценители поэзии избегают чтения чужих предисловий к поэтическим книгам. И правда, даже самый бесстрастный критик-оценщик-рецензент рискует настроить читателя на определенный лад, скорректировав или существенно сместив координа-

ты неповторимой встречи с поэтическим чудом. Но чуда, как и шила в мешке, не утаишь. Я попробую просто свидетельствовать о нем.

Посудите сами, не чудо ли, когда молодая девушка из маленького казахского городка, где и не пахнет поэзией, перебравшись в Россию, издает свою дебютную книгу, и не где-нибудь, а в крупнейшем издательстве «Эксмо»?

Конечно, путь от призвания к признанию не бывает коротким, тем более для поэта-иммигранта. Нужно как-то пустить корни на новом месте, получить вождеденное гражданство, пестовать не только стихи, но и растущую дочку и т.п. А ведь быть лирическим поэтом в мире, не приспособленном для поэзии, — это уже изначальная трагедия.

Катя Рубан — лирический поэт трагического склада. При этом эмоции и чувства в ее поэтической ойкумене значат куда больше, чем рациональные мыслеформы. Это может и помогать, и мешать возвращению поэтического мира. Даже не столько возвращению, сколько его восприятию разными читателями. Чем может помогать? — предельной откровенностью и обнаженностью. Чуткий читатель эмоционального типа, вероятно, оценит то, что лирическая героиня книги «Сохрани» не застегнута на все пуговицы (как например, лирический герой Александра Кушнера), не защищена монотонно распаханными гектарами стихотворных текстов (как многочисленные последователи «бродскописи»), то есть почти ничем не отделена от первородного источ-

ника вдохновения, сезонной радости и перманентной боли.

Границу между поэтессой и ее героиней провести сложно, да, наверное, и не нужно, ведь это тот случай, когда стихи — это музыка, а не литература, а также способ жить и умирать.

Надо отметить, что Катю Рубан трудно отнести к какой-то определенной поэтической традиции. Она формирует несравненное пространство и тем самым, возможно, пытается решать личные коммуникативные проблемы с социумом, возникающие из-за несовпадения земного и небесного языков, либо иной семиотической «болячки». Несмотря на это, мне видится множество общих следов (если не в единых темах, то в схожей степени эмоциональной возбужденности и ее метафорической реализации) в переводных вариантах европейских модернистов от Артюра Рембо до Пауля Целана.

Наверное, в рамках российской литературной традиции с западным уклоном основную поэтическую линию К. Рубан правильнее всего назвать эклектичной. Подобного направления, по ее собственному признанию («слишком многое мне нравится, слишком многое близко»), придерживалась поэтесса Елена Шварц, чьи строки взяты в качестве эпиграфов к нескольким стихотворениям книги «Сохрани». Таким образом с помощью бессмертной поэзии может сохраниться все: и свое, и чужое, ставшее своим.

Эта общеевропейская широта и долготы, смесь разных кровей (а стихи пишутся кровью!), а так-

же истерические черты дэймона, все время норовящего полностью овладеть рукой стихотворца, позволяют осторожно говорить если не о родстве, то об общих родимых пятнах таких разных поэтов, как Марина Цветаева, Елена Шварц и Катя Рубан.

Рискну предположить, что для поэта К. Рубан собственные стихи являются чем-то вроде таблеток эксклюзивного биохимического производства, во-первых, удерживающих ее от чего-то страшного, а во-вторых, позволяющих хотя бы немного примириться с жестким, холодным и безжалостным фоном (чего? — любой страны и каждого города? существования вообще? — это решать каждому индивидуально).

Но все же что может помешать восприятию поэтического мира без сомнения самобытного поэта Кати Рубан?

Наверное, неожиданная оборванность и (или) демонстративная небрежность некоторых строчек, когда тонко вибрирующий нерв рубановского типа иногда сбивается, проваливаясь в многоточия, анжамбеманы (в принципе имеющие место) или другие семантически неоправданные приемы-переломы.

Высокому причитанию (кликушеству) души (кстати, у Екатерины есть сетевой псевдоним — Душа Рыбья), выплеску подлинной и неприкрытой боли мешают спорадические вкрапления ванильно-трэшевого пафоса «сетературы», ориентированного больше на барышень и юношей пубертатного возраста. Что ж, болезни роста есть у каждого поэта.

Известно, что наши недостатки — это продолжение наших достоинств. Возможно, что казахско-русская песня Кати Рубан именно такой и должна быть: чуть сбивчивой на выдохе (или на вдохе), когда поэту кажется, что уже нет ни воздуха, ни сил для того, чтобы петь дальше.

Однако чудо случается: пронзительная и красивая песня снова летит над степью, лесом, речкой, а полынь, горькая, но жизнеспособная, завоевывает новые пространства.

Андрей Шевцов

IMPOSSIBLE

Выправь руки по швам.

Недостаточно.

Недостаточно.

Слово — хлыст.

Слово — Бог.

Ты послушник его и раб,

Демиург поневоле. Держи себя, будь загадочен.

Не теряя лица, унеси свои горб и скарб.

Нержавейка. Солдат.

Недодевочка, платье в клеточку.

Поднеси тебе рупор — и рухнет небесный свод.

Будь последней живой.

Несгибаемой райской веточкой.

А забудешь, как быть —
неизбежно пойдешь в расход.

Поднимись и иди, говорят тебе. Четче,

явственной

Ощущая себя шестеренкой, под слот шнуром.

Здесь тебе не закажут столов, не напишут

дарственных.

Механизм запрещает добро поощрять добром.

подави в себе боль, от нее — перерыв

в вещании.

Накрахмаль воротник, чтоб до хруста.

Еще.

Еще.

Не лелея надежд, умерщвляя мечты и чаянья,

дай напалмом огня. И не жалуйся: «горячо».

Сладкой патокой в ночь проливается запах

святочный.

Не дышать перед смертью — приказ на сто лье

окрест.

Выправь руки по швам. Недостаточно,

недостаточно.

Отключить в себе это. И сбросить бы горб, как

крест.

Только время идет, шелкопряд пребывает

мастером,

Только тянут струну, а струна ведь должна

звенеть.

Вот вставай и иди, птичка Феникс, герой

блокбастера.

Горб-то сбросить легко.

Тяжелее — нести уметь.

НОЧНОЕ

...Еще не поздно.

Прости меня...

Рашалекс

В ту ночь, когда стихи умрут во мне,
Ты отвернись, пожалуйста, к стене
И в сумраке смотри цветные сны,
Пока я бьюсь на кончике блесны,
Пока кружусь на лезвии огня
И некому молиться за меня,
Пока у мертвых птиц горят шасси...
Пусти меня. Прости меня. Спаси.

Больная, в полувыцветшем пальто,
Я к Гаутаме еду на метро.
В конце тоннеля, беден, полупьян,
Меня встречает голый Бхагаван.

Один, без Бхагавати. Он — бобыль,
Он с ног моих отряхивает пыль,
Он говорит: «Уста мои вкуси».
Верни меня. Прости меня. Спаси.

Мне видится, пока стою в дверях,
Как вздернулась русалка на ветвях,
Как море из ее раскрытых губ
Лазурью проливается на труп.
Гниющий труп на кончике блесны.
А ты смотри, смотри цветные сны
И отвернись нечаянно к стене,
Когда мои стихи умрут во мне,

Когда они свинцом наполнят грудь,
И я вспорю ее, чтоб отдохнуть.
О Ты, иже еси на Небеси,

Прости меня.
Прости меня.
Спаси.